

Игорь ОЗЁРСКИЙ

Родился в 1989 году в Москве. Окончил Московскую государственную юридическую академию им. О.Е. Кутафина. По профессии – адвокат. Советник министра культуры Московской области.

Автор романа «Безымянные» (лауреат Всероссийской литературной премии «Гипертекст», 2023), книг «Философия смерти» (2010) и «Трилогия сатанизма. Одиночество. Деструктивность. Любовь» (2014). Рассказы публиковались в журналах «Нижний Новгород», «Аврора», «Бельские просторы», «Кольцо А», «Турист».

Живет в Москве.

СЛЕДЫ ТЯЖЁЛЫХ ЛАП

Мои лапы тяжёлые и большие, они постоянно утопают в снегу. Не знаю, что с этим делать. Я пытался ходить по льду, но проваливался в ледяную воду. Шерсть мокнет и становится холодной. Но мне всегда холодно, а после воды – особенно. Я не люблю воду, но только в воде можно найти еду, больше здесь её нет.

Я хотел бы есть корешки, но они вмерзли глубоко в окаменевшую от мороза землю. И что остаётся? Охотиться, убивать. Хорошо, что у меня есть зубы и крепкие когти. И большие мохнатые лапы. Я могу хватать и душить моржей и даже гигантских белых существ, что живут в воде. Их убивать мне жалко, ведь они чем-то напоминают меня, только без лап и без шерсти. У них нет ни когтей, ни зубов, в отличие от моржей. И они очень вкусные. Моржи – нет. Совсем нет. И у них ещё эти бивни. Один такой чуть не вспорол мне брюхо. Хорошо, что я успел отпрыгнуть.

Лапы опять утопают в снегу. И как же с этим бороться? Я пытался идти на юг, но там прекратилась земля. Я пытался идти и в другие стороны, но всё наткнулся на воду. Долго плавать я не могу, хоть там и полно еды. Иногда приплывают тюлени – они как маленькие моржи, но поймать их гораздо труднее. Я могу бежать, но после долгого бега лапы начинают болеть и всё тело тоже. Чем больше, тем глубже проникает мороз.

И спать здесь особо негде: на льду опасно, на вершинах – ветер. Я вешу так много, что если ложусь в снег, то погружаюсь в него целиком и боюсь задохнуться. Я часто думаю о том, что сделал не так. А ведь сделал точно. Иначе бы не оказался здесь.

Иногда я чувствую, будто под снегом лежит что-то зелёное. Что-то, чего я никогда не видел. Хотя, может, и видел, может, забыл.

Как-то пролетали птицы, и я слышал их разговор. И после этого знаю, что во всех остальных местах всё иначе. Там согревает льющийся с неба свет и коренья тянутся из земли. На них растёт всевозможная еда, разных цветов и кусков. Она там повсюду. Там не нужно ни с кем

драться и никого убивать. Там всего в достатке. Можно спать где угодно и не бояться, что ты не проснёшься. Там можно вести неспешные беседы и обдумывать смысл жизни. Ведь здесь, в ледяной пустыне, такой возможности нет – сложно думать, когда вечно ноет живот и приходится опускаться в ледяную воду, чтобы хоть на какое-то время его унять.

Я звал тех птиц спуститься и поговорить со мной, но они не пожелали. Я могу их понять. Будь я птицей, я бы тоже не стал приземляться здесь. Мне не нужны толстые лапы и густая шерсть, я бы с радостью променял их на крылья. Мне не нужны острые зубы и крепкие когти – одного клюва вполне достаточно.

Я предложил им рыбу, что была у меня в запасе, но даже после этого они пролетели мимо. Я ревел, умолял их не улетать. Мне ведь так одиноко. И холодно. И даже страшно. Да, мне страшно. Ведь я не знаю, когда умру. А как я заметил, умирают все – и рыба, которую я ловлю, и моржи, что встречаются на моём пути. Но те птицы были такими живыми, и умирать они явно не собирались.

Я долго бежал за ними и слушал их разговор.

Теперь я возвращаюсь, и лапы проваливаются в снег. На пути обратно я вижу свои же следы, и от этого становится грустно. Живот снова просит еды. Я так устал убивать.

Птицы летели на юг. Я слышал: они что-то говорили о людях. Не знаю, кто это, но, конечно же, им повезло. Птицы говорили, что у них тоже есть лапы, но, как я понял, шерсти на них немного, а может, и нет совсем. Должно быть, им тоже холодно, даже когда тепло. Да, этому я не завидую. И у них нет когтей. И клыков тоже нет. Не понимаю, как же они живут. Если бы люди оказались здесь, их бы уже не стало. Но отчего все они – там?

Я бежал за птицами так быстро, как мог. Но их догнать невозможно, они ведь птицы. Конечно, я знал об этом, но всё равно пытался. Зато мне не в чем себя винить.

Птицы давно улетели, а я всё думаю о людях, которых они обсуждали. Птицы говорили, что люди умеют искусно орудовать лапами. Мне это кажется странным. Мои лапы большие и покрыты мехом, но от них не так много толку. Зато у меня есть пасть. И я перегрызу им горло. Даже если не буду голоден. Просто из злости. Потому что они там, а я здесь. Потому что им тепло, а мне холодно. Потому что у них из земли вырастает еда, а мне приходится сражаться с моржами. А один из них чуть не вспорол мне брюхо.

Я никогда не люблюлю людей. А вот птицы мне нравятся. Я смотрю, как они летят, и тоже представляю себя летящим. Я расправляю крылья и устремляюсь вверх. Представляю, как удивились бы люди, увидев меня над ними. И тогда искусные орудия вряд ли бы им помогли. У меня есть зубы. У меня есть когти. А моя толстая шкура покрыта мехом. Я вешу так много, что мог бы просто их раздавить. И раздавил бы всех, если бы мог летать.

Может, поэтому я и здесь? Но как можно такое понять. Живот урчит слишком сильно – теперь я думаю лишь о еде. Нужно идти ко льду. Нырять в ледяную воду. Может, повезёт – и найду тюленя. Но вряд ли. Последнее время их тут совсем немного.

Придётся есть рыбу...

Рыба...

Как же я её ненавижу.